

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Совершенно секретно

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
3948
11 ДЕК 1964
6-А СЕКТОР
в ЦК КПСС Общ. отд. А

Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

„5“ марта 1955 г.

№ 563-с
гор. Москва

Направляю при этом заявление арестованного
СТАЛИНА В., адресованное в Президиум ЦК КПСС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

(И. СЕРОВ)

И. Серов

ГОСБОЯ ПАПКА

Секретно

ПОДЛЕЖИТ ПОСВЯТА
3048
11 ДЕК 1957
С.С. СЕНТОВ

Товарищу ХРАМЦЕВУ Н.С.

СССР

КОМИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

1957 г. 2 мая

№ 203-С

г. Москва

Направлено при этом заявление в Президиум ЦК КПСС.
СТАВНИН В., врио заместителя

Разослано:

- тов. Булганину
- тов. Ворошилову
- тов. Кагановичу
- тов. Молотову
- тов. Микояну
- тов. Первухину
- тов. Сабурову

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Служба и-о ледо-о нищ...
1957 г. 2 мая

ПРЕЗИДИУМУ ЦК КПСС

З а я в л е н и е

Арестован 27 апреля 1953 г. Следствие вели ВЛОДЗИМИРСКИЙ и КОЗЛОВ.

Все предъявленные обвинения можно разделить на 3 группы.

- I группа - Клевета и извращенные доклады т.СТАЛИНУ И.В., приведшие к снятию и аресту честных работников (названы СМУШКЕВИЧ, РЫЧАГОВ, НОВИКОВ).
- II группа - Клевета на членов правительства. Намерение встретиться с иностранными корреспондентами с целью изменить Родине.
- III группа - Преступления служебного порядка в период работы в ВВС МВО.

Все эти обвинения были предъявлены мне в мае 1953 г. документами за подписью Берия, Кобулова и Владзимирского.

Сейчас, в 1955 г., при возобновлении следствия эти обвинения не сняты. Следствие продолжается по тем же 3 обвинениям. Ведет следствие новый следователь полковник КАЛЛИСТОВ. Если при первом следствии (Владзимирский, Козлов) я путал следствие и заявлял, что моя подпись не будет действительна, т.к. не согласен с составленными протоколами, хотя и подписывал их, то сейчас при возобновлении следствия за каждый подписанный протокол с 12 февраля 1955 г. я несу ответственность головой.

По существу I группы обвиненийСМУШКЕВИЧ, РЫЧАГОВ - период 1940-41 г.г.

СМУШКЕВИЧА я никогда не видал и не знал. От отца слышал о СМУШКЕВИЧЕ много хорошего: "Прям, храбр, дело знает".

Очевидно, на судьбу СМУШКЕВИЧА повлияла передача письма отцу от СБЫТОВА о М-63, которое я передал в 1940г., и, вернее, не письмо, а вызов СБЫТОВА в правительство и доклад его. Какой доклад - мне не известно. Знаю, что СБЫТОВ неоднократно говорил, что СМУШКЕВИЧ не реагирует на его (СБЫТОВА) сигналы о неприятностях с М-63, и нещадно ругал за это СМУШКЕВИЧА, говоря, что он (СМУШКЕВИЧ) обманывает правительство. Могу только предполагать, что СБЫТОВ использовал вызов правительства для доклада этого своего мнения. Если СБЫТОВ использовал вызов правительства в целях свести какие-то счеты с СМУШКЕВИЧЕМ и позже РЫЧАГОВЫМ, то я действительно виноват в том, что помог СБЫТОВУ добиться приема правительством. Мое же мнение о ВВС, СМУШКЕВИЧЕ или РЫЧАГОВЕ никто не спрашивал. По мотору М-63 я действительно докладывал отцу, что "он не годится для истребителей", т.к. сам летал на этом моторе и знал его недочеты.

О СМУШКЕВИЧЕ, РЫЧАГОВЕ и ВВС, если бы я и сказал что-либо отцу, то он не стал бы слушать, т.к. в то время я только начал службу в ВВС, знал мало и заслуживать внимания мое мнение о главкоме ВВС и его замах не могло.

НОВИКОВ

Мне не известно, какие обвинения предъявлены НОВИКОВУ при снятии его с должности главкома ВВС, т.к. я был в это время в Германии. Но если на снятие и арест НОВИКОВА повлиял мой доклад отцу о технике нашей (ЯК-9 с М-107) и о технике немецкой, то НОВИКОВ сам в этом виноват. Он все это знал раньше меня. Ведь доложить об этом было его

обязанностью как главнокомандующего ВВС, тогда как я случайно заговорил на эти темы. Ведь было бы правильно и хорошо для НОВИКОВА, когда я рассказывал отцу о немецкой технике, если бы отец сказал: "мы знаем это. НОВИКОВ докладывал". А получилось все наоборот. Я получил первым докладчиком о немецкой технике, а НОВИКОВ, хотел я этого или нет, умалчивателем или незнайкой. В чем же моя вина? Ведь я сказал правду, ту, которую знал о немецкой технике.

Значимость решения, принятого ЦК и правительством, о перевооружении ВВС на реактивную технику и вывозе специалистов из Германии огромна. А в том, что не НОВИКОВ оказался зачинателем этого реактивного переворота в нашей авиации, а ЦК и Совет Министров, только сам НОВИКОВ и виноват. И по штату и по осведомленности НОВИКОВ обязан был быть инициатором этого переворота и главой его по линии ВВС. Невольно вспоминается приезд Никиты Сергеевича ХРУЩЕВА в Германию. Никита Сергеевич уехал из Германии не с пустыми руками. А, ведь, НОВИКОВ был в Германии и должен был знать о немецкой технике в десять раз больше меня и не только мог, а был обязан доложить об этом ЦК и Совету Министров.

Говорить о причинах личного порядка, могущих склонить меня на подсиживание или тем более клевету на НОВИКОВА, нет смысла, так как их не было, как не было и клеветы.

По существу II группы обвинений

Из чего могло быть составлено мнение о клевете на правительство? Очевидно, из следующих высказываний:

а) Первый день похорон организован был плохо. Об этом звонили на квартиру совершенно не знакомые люди. Сам я был в таком состоянии, что к телефону не подходил, а все время принимал уколы (врач МАРТЫНУШКИНА), т.к. было плохо с сердцем. Мое возмущение заключалось в ответах адъютанту ПОЛЯНСКОМУ

и Екат.ТИМОШЕНКО, которые надоедали своими рассказами о звонках и бозобразиях, происходящих якобы при прощании с телом отца. Да, я возмущался вслух. Что это было? Оскорбления в адрес правительства? Нет (если отбросить Берия). Это была обида за тех, кто, не учтя всего, допустил не столько ужасов, сколько поводов для разговоров о них. Возмущался в адрес милиции и Берия, обеспечивавших порядок. Обидно было за Н.С.ХРУЩЕВА. (т.к. он был председателем комиссии).

Тут я обязан оговориться о Берия. Отвращение к Берия внушено мне было матерью. Она ненавидела его и прямо говорила: "он много зла и несчастья принесет отцу". До сих пор смерть матери я, в какой-то мере, связываю с влиянием Берия на отца. Позже я утверждался в плохом мнении об этом человеке. Часто замечал, как он разыгрывал перед отцом "прямодушного человека" и отец, к несчастью, попадался на это, верил, что Берия не боится говорить "правду". Невозможно было в этом переубедить отца. Впервые я прямо заговорил с отцом о Берия, рассказав случай в вагоне поезда по прибытии из Германии в Москву. (Отец спал, хотя уже прибыли на место и пора было выходить. Разбудил отца Вячеслав Михайлович, рядом находился и Берия. Отец спросонья, не разобрав, где он и что происходит, страшно рассердился и уехал один. Я случайно попал в машину Берия, в которой ехал и Меркулов. О разговоре Берия с Меркуловым об этом случае я рассказал отцу, как о нечистоплотности Берия в отношении к Вячеславу Михайловичу). Последний разговор о Берия был в Боржоми. На этот раз отец, увидав кое-какие грузинские "порядки" своими глазами, не сердился, а задумался и даже вспомнил: "Надя его терпеть не могла". Я вынужден воспроизвести эти далеко не все разговоры с отцом, чтоб стало ясно, почему так резко о Берия я высказывался после смерти отца. Это не случайность, а последовательное, все более и более утверждающееся мнение, что он подлец. Счастье мое, что он не вызвал меня после ареста. Отец однажды

при нем заставил меня повторить мое мнение о нем. Берия перевел все в шутку. Но не такой он был человек, чтобы забыть, хотя внешне разыгрывал, особенно перед отцом, моего покровителя.

б) Читая газету с Постановлением Совета Министров и Указом Верховного Совета, бросил реплику: "Не могли подождать до окончания похорон". Реплика, просто глупая, высказанная под впечатлением утраты, и вряд ли стоило строить на ней криминал.

в) На площади 9 марта.

При словах Бер.: "пусть не надеются наши враги на раскол" я сказал: "на воре шапка горит". Слышали это адъютант, Екат.ТИМОШЕНКО и врач МАРТЫНУШКИНА.

Заметил вслух, что Вячеслав Михайлович снял шапку, когда выступал, а Бер. нет.

Возмущался на поведение Берия при вносе тела в Мавзолей и просто обрадовался, когда Лазарь Мойсеевич обрехал его "чего ты орешь".

г) Попадв домой, высказал свое мнение, что лучше бы выступил Н.А.БУЛГАНИН, а не Берия, т.к. отец был Министром Оборонн, но от Министерства Оборонн никто не выступил.

д) Прочитав "В Министерстве Внутренних дел" о осв.врачах в газете "Правда", я высказал свое мнение, что этого делать не следовало (печатать такое заявление), т.к., кроме пищи для провокаторов и сволочи, оно ничего не давало.

е) Прочитав Указ об амнистии, сказал, "не слышал, чтоб в дни траура, дни смерти вождя бывали

амнистии. Амнистии бывали при коронаваниях и сменах династий или в дни больших праздников. Поэтому лучше было бы приурочить амнистию к 9 Мая — дню победы". По существу амнистии я высказался только положительно. Подбор же срока объявления в печати считал не удачным.

Все вышеперечисленное было сказано в присутствии Екатерины ТИМОШ., адъютанта ПОЛЯНСКОГО и врача МАРТЫНУШКИНОЙ.

Не знаю, может быть, я и не прав, но во мне было столько переживаний, что они должны были находить какой-то выход наружу. Если этот выход был резок и не сдержан в подборе выражений, то его нельзя отнести к разряду клеветы на правительство, этого не было и не могло быть. Она (резкость) относится к крайне раздраженному состоянию, которое вполне объяснимо обстановкой, и странно изображать ее как клевету на правительство.

2) Намерение встретиться с иностранными корреспондентами с целью изменить Родине

Дело было в присутствии ПОЛЯНСКОГО, Екатерины ТИМОШЕНКО и подоседавшего позже моего однокурсника по Академии и товарища полковника ЛЕБЕДЕВА В.С. Разговор этот был совершенно не такой, каким его мне предъявляют в обвинении. Я говорил: "если бы на моем месте был сволочь и враг советского народа, то он ✓ дал бы интервью иностранным корреспондентам, а последние, подняв шумиху в прессе, нажились бы сами и дали бы ему нажить-ся, а потом он (сволочь) удрал бы за границу". Все "если бы" и "сволочь" отброшены и мне предъявляется обвинение в желании связаться с корреспондентами и изменить Родине. Сплошная клевета.

Я, балда, даже не стеснялся этого говорить, т.к. не мог представить, что кому-либо придет в голову не только предъявить

мне такое обвинение, но даже подумать о способности рождения в моей голове такой мысли.

Разговор начался с того, что в доме нет денег, добиваясь на прием к Г.М.МАЛЕНКОВУ, но не только нет надежды попасть на прием, а последнее средство связи, телефон, отключили. В это время ТИМОШЕНКО, роаясь в ящиках, нашла американский журнал с моим портретом. Он-то, этот портрет в журнале, и стал началом этого, вообще безобразного, но не имеющего ничего общего с предъявленным обвинением, разговора.

В дальнейшем следствие, как подтверждение моих побуждений, предъявляет мне посещение ресторана "Метрополь". Якобы посещение "Метрополь" было первым моим шагом к сближению с иностранными корреспондентами, для последующей измене Родине.

Клевета от начала до конца.

В "Метрополь" я пошел на свидание с ВАСИЛЬЕВОЙ. Счастье мое, что у ВАСИЛЬЕВОЙ не было телефона и мне пришлось приглашать ее через соседей и родственников, у которых телефон был. Эти люди могут подтвердить, как все это происходило.

Виноват я в том, что разговаривал о нужде в доме и своем тяжелом положении, а не явился с повинной к Н.А.БУЛГАНИНУ. Да, в этом виноват.

Но ни по духу своему, ни тем более по крови я не враг. У меня много пороков, в которых не особенно приятно сознаваться, но они были.

В отношении же чести и Родины я чист. Родина для меня это отец, это мать.

Кроме гнуснейшего клеветника никто не мог предъявить мне такого обвинения. Человеком, способным дать подобные сведения, могла быть только ТИМОШЕНКО. К несчастью, не я первый попал в ее сети. И всех она бросала в тяжелую минуту, созданную ей же, а сама оставалась не при чем.

По существу III группы обвинений

Преступления служебного характера в период командования ВВС МВО

Не преступления по злому умыслу, а большие нарушения Уставных и юридических норм были допущены мной. Акт комиссии Министра Обороны свидетельствует об этом.

Сами причины нарушений кроются только во мне самом - в моих распоряжениях. Подчиненные командиры не виноваты, они или вынуждены были строго руководствоваться моими распоряжениями или покидать округ. Ссылка в Акте на разрешения, данные мне свыше, на отклонения в некоторых случаях от установленных норм не может заслуживать внимания. Если такие разрешения и получались мной, то только благодаря моего доклада о необходимости таковых. Мне верили и часто соглашались.

Я не могу согласиться с тем, что делал все это с злым умыслом. Нет. Злого умысла не было. Хотелось сделать быстрее и лучше, в процессе чего прибегал к незаконным приемам, лишь бы сделать. Усугубляло такие не верные действия личное поведение, которое, вследствие пьянства и частого отсутствия, непосредственно в управлении округа, порождало последователь и бесконтрольность в их работе.

Полученная задача развить спорт в ВВС, сама по себе очень нужная, на деле была превращена в погоню за призами в ущерб основной работе ВВС МВО. Вина в этом только моя и оправдания никакого мне нет. Все перечисленное и личное поведение привело к справедливому приказу Министра Обороны об увольнении в запас "за поступки, порочащие звание генерала Советской Армии".

О себе лично

С малых лет оставшись без матери и не имея возможности воспитываться под повседневным наблюдением отца, я по сути

дела, рос и воспитывался в кругу взрослых мужчин (охраны), не отличавшихся нравственностью и воздержанностью. Это наложило свой отпечаток на всю последующую личную жизнь и характер. Рано стал курить и пить. В средней школе, хотя и имел способности, занимался от зачета к зачету и поэтому выше середняка не поднимался. Готовился стать артиллеристом и поэтому пошел учиться в I Московскую Арт. Спец. Школу. Но отец решил, что двум сыновьям в артиллерии быть не следует, и я уехал в летное училище. Училище окончил отлично со званием лейтенант. С момента окончания училища для меня разговор с отцом, как с отцом, почти перестал существовать. Каждая встреча превращалась в разговор о ВВС.

За время службы в армии с 1938 г. был на должностях: летчика, ст. летчика, к-ра звена, к-ра эскадрильи, к-ра полка, к-ра дивизии, к-ра корпуса, зам. ком. ВВС округа, ком. ВВС округа. Военное образование: училище, 3 месяца Академии ВВС, Липецкие курсы к-ров эскадрилий - и все. Военного образования для занимаемого последнего поста (ком. ВВС МВО) не хватало. Был послан в Военную Академию, но по состоянию здоровья и по собственной глупости к занятиям по сути дела не приступал, а считал себя обиженным, хотя кроме как на самого себя обижаться было не на кого. Докатился до увольнения в запас.

Этот приказ Министра Обороны, хотя и очень суров, но справедлив, т.к. оснований для него было больше чем достаточно.

В заявлении часто встречается "клевета". Может создаться мнение, что я считаю себя вообще невинным, напрасно обиженным. Это не так.

Да, клевета налицо. Но кто бы ей поверил? Как могла она дать такие всходы, если бы все мое поведение не было благоприятной почвой для ее (клеветы) роста. Не было бы зацепки, повода, возможности оклеветать, не было бы и клеветы, а особенно веры в нее.

Разбор всей своей жизни, в течение 22 месяцев ареста,

Ю.

дал возможность правильно оценить причину происшедшего со мной. Причина только во мне самом. Могли быть около меня и плохие люди, но ведь были и такие, и их больше, с которых надо было брать пример.

Ведь предупреждал меня Н.А.БУЛГАНИН: "возьмись за ум, иначе сорвешься, брось пить, приведи в порядок семейные дела". А разве я послушался? Нет. Не пожелал сам взглянуть в свое нутро и взяться за ум. Тюрьма заставила разобраться в своих собственных грехах, сбила спесь. Я смог трезво оценить пройденную жизнь и подумать о будущей. Ведь мне всего 35 лет. 17 лет в армии. 16 лет в партии и докатился до такого положения.

Винovat только сам. Обижаться не на кого.

Поверьте, что нет строже суда, чем своя совесть.

Больше всего я виноват перед отцом и партией.

Прошу Вас, дайте возможность работой смыть эту свою вину перед партией.

Дайте возможность доказать делом преданность Родине и народу.

В.И.Сталин

23 февраля 1955 года.

Верно: *Ильин*

